

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

ТИХИЙ ВЕЧЕР НА
ШЕЛОМОВСКОЙ УЛИЦЕ

(Глава из книги)

Улицы с таким названием давно уже в Новозыбкове нет. Но она была в нашем городе, и жизнью многих поколений отмечена добрая память о ней.

У Шеломовской улицы теперь другое название.

После Октябрьской революции, когда разрушили так называемый старый мир, городские власти в порядке своего участия в этом мероприятии, заменяли старинные, исторически сложившиеся названия многих улиц на новые, более отвечающие духу времени. Удивительно, но Шеломовской улице оставили ее прежнее старорежимное название. Это случилось, вероятно потому, что не очень понятное название - Шеломовская - не заключало в себе явных признаков противоречия идеологическим установкам правящей власти.

Вроде бы пронесло! Но оказалось, что нет. Через некоторое время после первого полета человека в космос городские власти из чувства патриотизма и своей причастности великому событию не нашли ничего лучшего, как по этому поводу переименовать одну из улиц города. И перестала быть наша улица единственной во всем подлунном мире Шеломовской улицей, а превратилась в одну из многочисленных в стране улиц, получивших высокое имя космонавта Гагарина. Более чем двухсотлетнее название кануло в вечность. И пусть оно было не таким уж примечательным и произошло от названия деревни Шеломы, куда вела по ней дорога из города, но это была история. Много ли славы прибавилось памяти знаменитого человека от того, что тихая и скромная наша улица стала носить его широко известное имя?

С приобретением нового названия улица наша несколько не изменилась, она осталась прежней со своим давно устоявшимся жизненным ритмом, с теми же домами и стезжками у калиток, с тем же светом в вечерних окнах и с теми же деревьями, раскинувшими свои зеленые кроны над крышами деревянных домов.

В давние времена улица наша выходила на поля. По ней также, как и по Красной улице люди ездили в Новое Место, в Шеломы, в Святск. Но когда в двадцатые годы у нашей окраины Новозыбкова обособился пригородный совхоз и для того, чтобы выехать на новоместский шлях, надо было проезжать по хозяйственным дворам совхоза, ездить в эти деревни по нашей улице стало несподручно и весь гужевого транспорт двинул по Красной улице.

У нас стало совсем тихо. Колея посреди улицы заросла травой, пыли не было. Редкая телега, проезжающая по улице, имела определенный адрес, направляясь к кому-нибудь из наших соседей.

Было еще одно обстоятельство, способствующее тому, что мужики не любили ездить в город по нашей улице. У самых последних домов на выезде из города во всю ширину проезжей части посредине улицы весной после таяния снега и летом после дождей образовывалась довольно большая лужа. Объехать эту лужу было никак невозможно, так как с одной стороны мешали деревья, а с другой - канава. Переезжать лужу было небезопасно, особенно для тех, кто преодолевал ее в первый раз.

Я помню как опрокинулся в нее цыганский воз. Нам со старшим братом разрешили сходить посмотреть на это происшествие. Я видел, как распрягли коня и вытащили телегу на сухое место, а бедные цыганки ходили в грязной и холодной воде, собирая вывалившиеся из телеги вещи. Другие цыгане стояли поодаль у своих подвод и о чем-то быстро и возбужденно говорили. Меня удивляло, что цыганские женщины ходили по воде, не подбирая своих длинных цветастых юбок и юбки выше колен были мокрыми. Вечер был прохладный и я думал, где же они просушатся. Когда было собрано все, что можно было собрать, цыгане повернули коней и поехали в поле.

Окаянную лужу засыпали в начале тридцатых годов. Всякого рода неожиданности были редкостью на нашей спокойной улице и обычно жизнь на ней протекала мирно и благопристойно.

Ближе к вечеру, управившись с домашними делами, наша мама иной раз выходила на улицу посидеть на лавочке у калитки, ожидая нашего отца с работы. Солнце к этому времени уходило ближе к Пригородному и стояло где-то над домом Дороховых. Наша сторона улицы - солнечная, и тень от колодца у нашего дома сдвигалась в сторону наших ворот.

Редкие прохожие, все больше наши соседи, живущие дальше нас, возвращались с работы. Вот прошел странный человек Иванов, всегда одетый в серую толстовку с поясом, в сандалиях, в светлом картузе и в очках, с вечным потертым портфельчиком подмышкой. Наверно у портфеля не было ручки, потому что Иванов иначе не носил его, как только зажатый под рукой. Замкнутый, сосредоточенный вышагивает он длинными ногами мимо нашего дома и мама уважительно здоровается с ним.

Из-за угла Канатной улицы показалась группа женщин, конвоируемая милиционером. Эти женщины - заключенные новозыбковской тюрьмы; они всегда вызывали у меня страх и жалость. Тюрьма расположена на углу Красной улицы и Красной площади, неподалеку от соборной Чудо-Михайловской церкви. Женщин после дневной работы ведут в тюрьму, а работают они в саду и на огородах, принадлежащих тюрьме. Целый квартал Канатной улицы между Кладбищенской и улицей Урицкого, рядом со старообрядческим кладбищем занимают эти огороды.

Усталые, молчаливые женщины, выйдя из-за угла, пошли посредине нашей Шеломовской улицы в свою тюрьму в сопровождении конвоя. То что их вели по проезжей части улицы, а не по стезжке, где ходят обычные люди, с недоброй определенностью отдаляло этих женщин от простой человеческой жизни.

Мимо нашего дома прошел Дюбич, высокий строгий мужчина с небольшой интеллигентской бородкой в белой рубашке с поясом и в светлых парусиновых туфлях. Дотронувшись рукой до кепки, он раскланялся с мамой. Дюбичи живут ближе к концу нашей улицы, у них большой дом под железной крышей. Около них - колодец, который так и называют - у Дюбичей. Но вот странно, в большом доме Дюбичей проживают только три человека: этот мужчина, что поздоровался с мамой, и две женщины - жена и какая-то родственница. Женщины одинаково сухощавые, одинаково немолодые, с одинаковыми невеселыми лицами. Они никогда ни с кем не разговаривают, постоянно чем-то озабочены, и всегда все делают вдвоем: вместе ходят на базар, вместе жнут траву для скотины, вместе занимаются домашним хозяйством. Детей у них не было. Ни с кем из соседей они не общались, жили скрытно, калитка у них всегда была на запоре.

Напротив Дюбичей у Дороховых снимал комнату портной Лейба. Немолодой тихий мужчина в черном поношенном костюме он идет по другой стороне улицы, идет так, как будто старается быть незаметным, как бы извиняясь за свое появление на людях. Над ним подшучивают, но необидно и незлобно.

Однажды на Пасху мой старший брат Лёня послал меня к проходившему мимо нас Лейбе и подучил меня сказать ему: "Христос воскрес". Это было несколько позже, в голодный год и Пасха была бедная. Я подбежал к Лейбе и сказал ему христианское пасхальное приветствие.

Лейба несколько не удивился, он остановился и наклонившись ко мне, ответил.

- Воистину воскрес, - и, покопавшись в карманах, подарил мне десять копеек.

Наша улица никогда не была многолюдной и почти каждый человек, проходивший мимо нас, был знаком нашим родителям.

К тому же у нашего дома был колодец и это представляло постоянную возможность общения с соседями. Вот и сейчас, гремя ведрами, к колодцу подошла наша близкая соседка Анна Савельевна, или Рябая Анюта, как ее обычно называли на улице. Она жила в своей маленькой хатке со своим тишайшим мужем - сапожником. Анна Савельевна была замечательной огородницей. Грядки у нее всегда были своевременно вскопаны, засеяны и прополоты.

Усадьба Анны Савельевны единственная на нашей улице не имела настоящего забора и была отделена от улицы оградой из колючей проволоки. Это было некрасиво, но как-то искупалось тем, что сразу же за прозрачной оградой располагалась буйная зелень прекрасного огорода Анны Савельевны, а избушка ее стояла в глубине усадьбы и была почти полностью укрыта всякой растительностью и особенно цветущими золотыми шарами, или "цыганками", как называла их сама хозяйка.

Ограда же из колючей проволоки имела некую историю. Дело в том, что свою усадьбу Анна Савельевна со своим мужем Федором Андреевичем купили у женщины, которая имела на улице нехорошую репутацию. Эта женщина была ведьмой. Говорили, что по ночам она прыгала по кольям своей ограды и хотя никто не понимал для чего она занималась такой акробатикой, полагали, что если ведьма это делала, значит это было неспроста. Добрые люди посоветовали Анне Савельевне переставить колья ограды на новые места и тогда последствия деятельности нечистой силы не будут иметь никакого значения. С простотой и непосредственностью, свойственной характеру Анны Савельевны, она вкопала колья своей ограды на новые места, отчего ограда ее усадьбы дугой вылезла на улицу. Соседи на это закрыли глаза. Да и дело того не стоило, потому что никто на улице после этого ни разу не испытывал на себе никакого воздействия странного колдовства съехавшей с нашей улицы ведьмы.

Сама Анна Савельевна никакого дискомфорта от всего происходящего не испытывала, жила спокойно и просто: ходила на базар, топила печь, кормила мужа, ухаживала за огородом.

Она набрала в колодце воды, смотала веревку, сказала нашей маме, что у нее огурцы пустоцветом пошли на той грядке, что за сараем, после чего, вихляя нижней частью своего давно не стиранного сарафана,

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТРАНИЦА

" Я ПОМНЮ ПЕРВУЮ ЛЮБОВЬ..."

(заметки к новому сборнику стихов)

Не так часто поэты нашего города издаются отдельно, чтобы это событие стало обыденным в культурной жизни Новозыбкова, поэтому выход в свет первого сборника стихов "Страна любви" Мая Владимирского (Евгения Свистова), автора уже достаточно известного по публикациям своих отдельных произведений на страницах местной периодики, привлекло внимание любителей поэзии. Сегодня возможность издаваться получил каждый желающий, поэтому "издания первой руки" у нас уже давно не редкость, однако "проза жизни", захлестнувшая всех нас, в том числе и в литературе, как-то отодвинула на задний план потребность в высоком искусстве, мы забыли истинное его предназначение.

Соскучившись по простым человеческим чувствам, некоторые с недоверием отнеслись вначале и к новому сборнику, выполненному "заботами автора", тем более не свободному от недостатков всех местных изданий - слабых полиграфии и оформления, недостаточно точной корректуры, малого тиража. Однако все же суть творчества не в форме, а в содержании, которое, как зеленый росток, пробиваясь сквозь асфальт искусственных наслоений, прокладывает себе путь к сердцу читателя. Иначе чем объяснить тот отнюдь не праздный интерес, дружно проявленный как в творческих кругах, так и на страницах нашей прессы к этому сборнику, где любая, открытая наугад страница, представляет, например, такие строки:

*Я помню первую любовь.**Я не забыл ее начало.**Тогда мелодия звучала -**без слов,**про первую любовь.*

Или

*... Ты вошла -**и сплетение рук,**Наших губ в поцелуе страстном**Утвердило,**что все вокруг**В этом мире, таком прекрасном,**Нам подвластно -**тебе и мне.*

Эта пронзительная интимность его лирики, даже какая-то обнаженность чувств, не стесняющая себя своей эмоциональностью, приближаясь к открытой конкретизации каждой строки, пропущенной через сердце ее создателя, не может не вызывать ответных, впрочем отнюдь не однозначных отношений. С одной стороны - полной доверительности автору, находя отзвук и своих чувств в этих строках, с другой - неприятие выставленных напоказ открытых нервов чужой души, отнюдь не юноши, но мужа.

Не собираясь впадать в полемику по этому поводу, и, в то же время, отстаивая право поэта на собственное видение и степень художественного обобщения в своем творчестве, хочется безусловно отметить, что, несмотря на определенные погрешности и недочеты, которые, думается уже стали понятны автору, в целом найденная и уже сложившаяся стилистика его стихосложения и творческая манера позволяют находить ту грань между высокопарностью и нарочитой грубоватостью, так свойственными некоторым другим нашим поэтам, образуя притягательную ауру золотой середины собственного поэтического языка. Этому, впрочем, не помешало даже включение нескольких стихотворений иного, философско-идейного плана, чего, думается, нельзя сказать о немногочисленной исторической поэме "Афиноген", не вписавшейся в общий строй сборника, очерченный определенными рамками уже самим своим названием. Впрочем, окончательный вердикт, несомненно, должен вынести читатель, а то, что сборник уже пользуется успехом, становится явным признаком того, что его автор - на правильном пути. Предлагаем познакомиться с несколькими новыми стихотворениями из этой книжки.

Н. ФЕДОРОВ

* * *

*Упала чашка расписная,
Та, что подарена тобой.
Упала б чашка, но другая
Не так бы мучился виной.*

*Не так бы ползал по паркету,
Не так осколки собирал.
А взял бы веник и с налету
В совок без жалости сметал.*

*Разбилась чашка дорогая
На горе видно, на беду.
Разбилась, только бы другая.
Не так бы чувствовал вину.*

* * *

*Я говорю, но слов так мало.
Так мало слов, что я молю,
Чтоб ты душою услышала,
Все то, что сердцем говорю.*

* * *

*Без конца и без края
остров любви.*

*Ты его,
ты его,
ты его посети.*

*Этот остров любви,
этот остров любви
В океане надежд,
в океане судьбы.*

* * *

*Когда года тебе не в радость
И одиночество - твой хлеб.
Не говори, что это старость,
Ты просто-напросто ослеп.*

*Твоя душа не видит света,
Огня любви, тепла огня...
Твоя огромная планета
В затмении собственного "Я".*

Май ВЛАДИМИРСКИЙ

понесла ведра с водой к своей колючей ограде.

В это время из-за угла Канатной улицы показалась подвода. Это Нигрей возвращается домой с работы из гужконторы. Он живет наискосок от нас рядом с тетей Машей Юрченихой. Я до сих пор не знаю, фамилия у него такая Нигрей, или это уличное прозвище.

Усадьба Нигрея протянулась на целый квартал и заканчивалась глухим забором на улице Урицкого. И вот однажды Нигрею надоело жить на нашей улице, он разобрал свой дом и перетащил его на другой конец своей усадьбы и стал, таким образом, жителем улицы Урицкого. Но это его не надолго устроило, и он перекантовал свой дом опять на прежнее место.

Поглядеть на этого Нигрея, так ни за что не скажешь, что он такой беспокойный мужик - шутка ли два раза дом с места на место перетаскивать! - а вот неймется человеку, ищет чего-то.

Нигрей заехал на свой двор и закрыл за собой ворота.

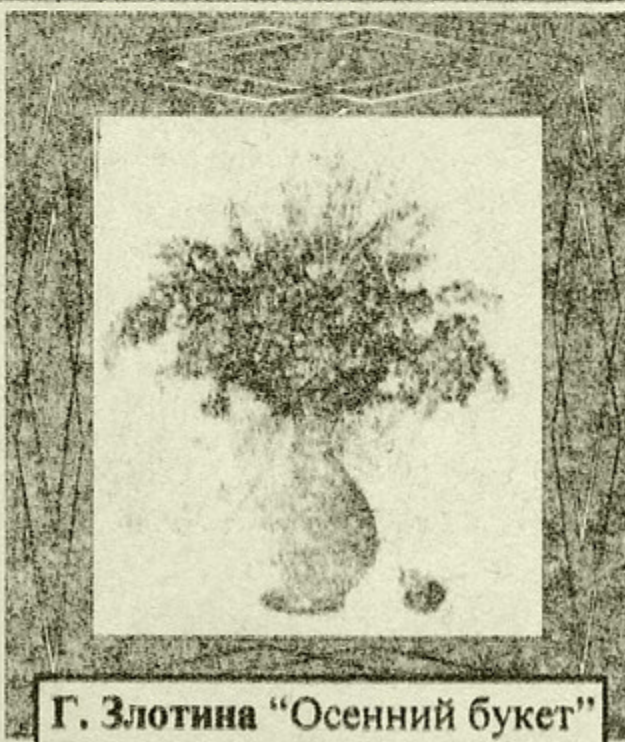
А вот и наш папа показался. Мама заметила его, когда он был еще далеко. Я бегу ему навстречу.

Позже к вечеру, когда солнце от дома Дороховых перемещается к Пригородному и тени от деревьев становятся длинными, возвращается с пастбища наше стадо. Пастух пригнал его с поля по Канатной улице и на перекрестках хозяйки разбирали своих коров. Стадо все уменьшалось и уменьшалось, пока последнюю корову не зазывала хозяйка где-нибудь на Верхней улице, или еще дальше. Пастух у нас хороший, не пьяница, никто на него не обижаются, он много лет пасет наше стадо и знает всех коров. Если какая женщина заезжается и не подоспелет на перекресток встретить свою корову, пастух сам отгоняет ее от стада в сторону и корова остается на своей улице.

У нас тоже есть корова, ее зовут Ранетка. Мама никогда не выходила за ней на угол и у пастуха никакой заботы о ней не было. Ранетка сама знала дорогу к дому и отделяясь от стада, как только оно показывалось из-за угла Канатной улицы, медленно и безошибочно шла домой. Она была красавицей симментальской породы, единственная в стаде. Белая с большими желтовато-коричневыми пятнами, крупная, очень спокойная и очень добрая. Мама встречает ее и открывает ей ворота - в калитку она не проходит. Ранетка становится у сарая на привычное место, мама ставит ей ведро с пойлом, садится на маленькую скамеечку и белые стрелы, пенясь бьют в чистый подойник и наполняют его свежим пахучим молоком.

Ранетка - добрый знак моего раннего детства, с ней связано представление о благополучной и спокойной жизни нашей семьи. Я не помню, как она появилась у нас - наверно это было до моего рождения - но я хорошо помню, как ее уводили с нашего двора. Черные дни начинались тогда не только для нашей семьи, но и для всей России...

Евгений МОСЯГИН

Г. Злотина "Осенний букет"